

Культурные предпосылки возникновения и развития кеметизма в России

А. И. Сысоева

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
sectoved@gmail.com*

Аннотация. Цель работы – раскрыть историко-культурные предпосылки возникновения и развития в России псевдодревнеегипетской неоязыческой субкультуры, известной как кеметизм. В ходе культурологического анализа с применением герменевтического метода решаются следующие задачи: аргументация возникновения кеметизма на российской почве в Санкт-Петербурге в период пандемии Covid-19 в виде культа богини Бастет, раскрытие российского кеметизма как феномена постмодерна, основанный на нравственных концепциях «осознанного потребления», «женской силы», «новой искренности». Делается вывод о необходимости дальнейшего изучения феномена российского кеметизма с позиции культурологии.

Ключевые слова: неоязычество, кеметизм, религиозная субкультура, постмодерн, египтология

Для цитирования: Сысоева А. И. Культурные предпосылки возникновения и развития кеметизма в России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 5 (899). С. 133–138.

Original article

Cultural Prerequisites for the Genesis and Development of Kemetism in Russia

Anna I. Sysoeva

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
sectoved@gmail.com*

Abstract. The purpose of the article is to reveal the historical and cultural prerequisites for the emergence and development in Russia of the pseudo-ancient Egyptian neopagan subculture known as “Kemetism”. In the course of the cultural analysis using the hermeneutic method, the following tasks are solved: argumentation of the emergence of Kemetism on Russian soil in St. Petersburg during the Covid-19 pandemic in the form of the cult of the goddess Bastet, disclosure of Russian Kemetism as a postmodern phenomenon based on the moral concepts of “conscious consumption”, “female power”, “new sincerity”. A conclusion is made about the need for further study of the phenomenon of Russian Kemetism from the standpoint of cultural studies.

Keywords: neopaganism, kemetism, religious subculture, postmodern, egyptology

For citation: Sysoeva, A. I. (2025). Cultural prerequisites for the genesis and development of Kemetism in Russia. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(899), 133–138. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Глобализационные процессы внесли радикальные изменения в устоявшиеся модели конструирования идентичности. Количество вариантов построения моделей самоидентификации и самопрезентации существенно возросло. Одним из наиболее ярких примеров тому является феномен возникновения и распространения неоязычества – комплекса религиозных учений, основанных, с одной стороны, на попытке воспроизведения языческих традиций и обрядов прошлого, с другой стороны, на ценностных установках современности.

Как отмечает О. А. Смержевская, неоязычество является «религией постстатейстического общества», для которого актуальна проблема поиска национальной идеи и культурно-исторической идентичности [Смержевская, 2014].

Значимым представляется исследование вопроса взаимовлияния неоязычества и массовой культуры, что отмечается не только специалистами-культурологами. Так, религиовед и теолог А. Б. Ярцев отмечает актуальность исследования неоязычества «не только как религиоведческой дефиниции, <...> а как исследования культурологического, требующего к себе интереса с позиций исследователя сначала современной массовой культуры, а только потом религиоведческого феномена» [Ярцев, 2011, с. 2]. Соответственно, с позиции культурологии неоязычество рассматривается не столько как религиозное движение, сколько как субкультура – сфера культуры отдельно взятого общества, существующая внутри господствующей культуры и имеющая определенные ценностные установки, в той или иной степени отличающиеся от общепринятых правил и норм.

В период пандемии коронавируса, во время самоизоляции, культовые практики множества религиозных сообществ по всему миру претерпели трансформацию ввиду того, что посещение богослужений для многих сделалось невозможным. Вместе с тем возникли и получили массовое распространение принципиально новые религиозные движения. Поэтому исследование, раскрывающее особенности одного из таких религиозных движений – российского кеметизма – весьма актуально сегодня.

ХОД ИССЛЕДОВАНИЯ И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ

По состоянию на 2023 год принципиально новым трендом в сфере неоязыческих субкультур на территории России является движение кеметистов. Термин «кеметизм» обозначает современный неоязыческий культ, воспроизводящий древнеегипетские верования. Его название происходит от слова *кемет*, что с египетского переводится как

земля. Данное религиозное движение было основано в 1988 году в Чикаго бывшей последовательницей викканской традиции Тамарой Логан Сиуда, и получило распространение в США в форме культа Сехмет – богини-львицы.

В России единственная кеметистская организация зародилась в начале 2020-х годов в Санкт-Петербурге в форме культа Бастет – богини-кошки. Данное религиозное объединение существует на базе приюта для бездомных кошек, там же кеметисты проводят и обряды. Свою деятельность адепты культа освещают в нескольких интернет-сообществах в социальной сети «ВКонтакте» – «Кеметизм»¹, «Миут»², а также в печатном издании под названием «Время Луны».

По состоянию на 2023 год о специфике развития данной субкультуры как в социокультурных условиях России, так и в других странах мира известно крайне мало. Научные исследования российских авторов, посвященные кеметизму, ограничиваются одним интервью с руководительницей движения и двумя статьями, которые носят скорее религиоведческий характер, а не культурологический.

Попробуем выделить несколько ключевых предпосылок возникновения и развития кеметизма в условиях современной России.

На протяжении многих десятилетий самыми популярными домашними животными в России остаются коты и кошки.³ М. С. Киселева справедливо отмечает, что кот или кошка фигурирует в русском фольклоре в качестве «семейного духа-хранителя», притом это актуально и для современного фольклора [Киселева, 2017].

З. А. Гордеева в исследовании «Образ кошки в современной культуре» отмечает высокую популярность кошачьих образов в интернет-культуре. Это касается и Рунета, где они известны как «котики», герои популярных интернет-мемов, символизирующие радость и веселье [Гордеева, 2016].

В этом же исследовании З. А. Гордеева ссылается на интервью с профессором биологического факультета МГУ М. М. Асланяном, который объясняет сверхпопулярность кошек «дефицитом телесного контакта, телесного тепла – кошки компенсируют их в первую очередь»⁴. Эта «сверхпопулярность» стала только нарастать в 2020 году, когда до России дошла пандемия, и после объявления режима самоизоляции многие оказались запертыми в своих домах один на один со своими кошками. Одновременно отмечался рост популярности

¹URL: <https://vk.com/kemetic> (дата обращения: 14.03.2025).

²URL: https://vk.com/miwt_bast (дата обращения: 14.03.2025).

³URL: <https://www.rbc.ru/society/29/08/2023/64ed58059a79471e6e42c4ba> (дата обращения: 14.03.2025).

⁴URL: <http://www.mn.ru/friday/86017> (дата обращения: 14.03.2025).

интернет-мемов, содержащих образ кошки, *например*, А. А. Левит особенно выделяет мем «Наташа и коты» [Левит, 2022, с. 2].

Подобно любви населения к кошкам, интерес к тематике Древнего Египта в России – также не новое явление. «Мода на Египет» в Российской империи появилась в начале XIX века, в эпоху царствования Александра I, и ее эпицентром был столичный Санкт-Петербург. Пик «египтомании» в России пришелся на эпоху модерна. Египетские ворота в Царском Селе, сфинксы на Египетском мосту, на Университетской набережной, на Каменном острове, на Свердловской набережной, доходный дом А. И. Нежинской («египетский дом») – далеко не полный перечень примеров египетских мотивов в архитектуре Санкт-Петербурга.

Параллельно этому процессу развивалась и российская египтология как научная дисциплина, и в этой сфере ведущее место занимали именно петербургские египтологи. Вероятнее всего, именно поэтому российский неокеметизм возник именно в Санкт-Петербурге, а не в Москве, где египетская тема представлена не столь широко.

Теперь обратимся к проблематике маркеров новой субкультуры. Анализ российского кеметизма проведем путем использования герменевтического метода – метода интерпретации, в процессе которого исторические события реконструируются путем личностного «сопереживания» в процессе трактовки текстов культуры рассматриваемого периода.

Древнеегипетский пантеон насчитывал множество божеств, однако в культ российские кеметисты возводят, как правило, богиню-кошку Бастет. П. П. Кочеганова отмечает, что резкий скачок интереса к образу этой богини в России пришелся на 2008–2010 годы, что она связывает с развитием в стране зоозащитного движения. Однако о культе Бастет еще не шло и речи – только сам образ богини-кошки стал популярен в массовой культуре [Кочеганова, 2017, с. 91]. Сама «верховная жрица» российских кеметистов Л. Пругло признает, что образ Бастет относительно нов для отечественной массовой культуры:

Я развиваю кошачий культ уже больше пятнадцати лет и помню время, когда по запросу «Bastet» поисковик выдавал рэпера Басту, корзины (basket) и полтора эротичных арта¹.

Безусловно, особую роль кошки и Древнего Египта в российской культуре обусловили появление египетских и «кошачьих» мотивов в массовой культуре, однако этого достаточно разве что

¹URL: https://vk.com/wall-151308859_15077 (дата обращения: 16.03.2025).

для установления моды на образ богини-кошки Бастет, но никак не для формирования ее культуры. Только лишь увлечение темой кошек и темой Древнего Египта вдохновить жителей Петербурга на создание религиозного учения не смогло бы – для формирования религиозного учения требуется морально-этическая составляющая, наличие некоего «морального кодекса», который мог бы скрепить эти две компоненты. Возникает предположение, что этот «моральный кодекс» появился относительно недавно.

В первую очередь отметим, что акцент в кеметизме делается на уважении личных границ и подчеркнутым индивидуализме, который М. В. Рендл называла «визитной карточкой постмодерна». Если речь идет о культовых практиках, принятых в религиозных субкультурах эпохи постмодерна, то в них адепт не отдает себя на попечение духовного наставника, гуру, а берет ответственность за свои поступки сам – «единственным цензором выступает толерантность» [Рендл, 2016, с. 123].

Л. Пругло, «верховная жрица» богини-кошки, в одном из своих постов, высказала мысль, по сути, объясняющую аморфный характер культа: «*перенимая мудрость кошачьих*», кеметисты считают «неприкосновенной свободой личности». Соответственно, таких понятий, как «община», «паства», кеметисты не приемлют, иллюстрируя абсурдность такой ситуации высказыванием С. П. Капицы «Собрать стадо из баранов легко, трудно собрать стадо из кошек».

Помимо отсутствия религиозной общины как таковой, еще одной важной чертой, отличающей российских кеметистов как от кеметистов из других стран, так и от представителей других религиозных движений, является их отказ от следования неизменным религиозным догмам.

Так, в посте под названием «Неправильное жречество», опубликованном в веб-сообществе «Миут» 30 октября 2023 года, одна из жриц обращается к адептам культа Бастет со следующими словами:

Мир бесконечно изменился со времен Древнего Египта. Многие из тогдашних способов почитания канули в прошлое. Боги понимают это, а потому находят новые пути проявления – свои для каждого. Самое главное – чтобы ваши личные гнозисы не противоречили научной базе. Ведь научная база – это основа. Фундамент.²

Анализ постов в веб-сообществе российских кеметистов «Миут» позволяет судить о том, что кеметисты обладают большим объемом узкоспециализированных египтологических знаний, притом

²URL: https://vk.com/wall-151308859_13597 (дата обращения: 16.03.2025).

не только в области древнеегипетской мифологии, но и истории Древнего Египта, а также древнеегипетского языка. Однако, несмотря на тот факт, что кеметисты признают научную базу «фундаментом» своей субкультуры, реконструкторским движением кеметизм назвать нельзя. Напротив, кеметисты сами подчеркивают свое отличие от прочих неоязычников, которые на основе немногих сохранившихся исторических источников пытаются реконструировать древние обряды. Даже тот факт, заверяют они, что древнеегипетская мифология и древнеегипетские обряды досконально изучены, не является поводом для следования этим обрядам точь-в-точь. «Буквально следовать древним обрядам», говорила «верховная жрица» Л. Пругло, «нахожу как невозможным, так и ненужным» [Кочеганова, 2018, с. 118]. На постсоветском пространстве это редкий случай, когда неоязычники отрицают свое стремление реконструировать «религию предков», заявляют о своем намерении именно реинтерпретировать ее.

У кеметистов нет установленных молитв (мантр, заклинаний) – «духовенством» официально утверждено, что молиться египетским богам каждый адепт должен своими словами, так как именно такая молитва угодна богам. В том же посте одна из «жриц» учит адептов на своем примере:

Мои ритуалы – не слишком частые и, почти всегда, полная импровизация. Мои обращения к богам тоже довольно далеки от канонных. К тому же у меня нет пиетета перед ними, есть только уважение, любовь и безграничная благодарность за то, что они есть в моей жизни. За то, что они и есть – моя жизнь.¹

Такая позиция согласуется с «новой искренностью», зародившейся в эпоху постмодерна и укоренившейся в эпоху метамодерна.

Даже статус жреца или жрицы весьма условен, по их собственному признанию. На вопрос о специфике жреческой деятельности руководительница движения отвечает весьма размыто – это «синтез личной практики и организационных вопросов» [Кочеганова, 2018, с. 116].

Итак, грани нормы отправления культа у российских кеметистов размыты, нечетки. Можно сказать, что в культуре России впервые появилась религиозная субкультура, лишенная догматики как таковой, а вместе с этим и такое понятие, как авторитет священноначалия, которое разбирается в этих догмах. Жрец, жрица в российском кеметизме выступает лишь как адепт с большим опытом

¹URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2023/2/k-mame-s-nebritymi-nogami-novaya-iskrennost-v-epohu-metamoderna.html?ysclid=loys6slqw1390520782> (дата обращения: 17.03.2025).

молитвенной практики и высоко развитыми организаторскими способностями. Культ личности священнослужителя, в отличие от иных неоязыческих субкультур, в кеметизме невозможен.

Получается, что у российских кеметистов единственным проявлением религиозного культа как такового (т. е. веры в принципиальном отрыве от научных доказательств) является убеждение в том, что боги будто бы взаимодействуют с людьми, вселяясь в живых существ и объекты неживой природы.

Каких-то особых обрядов перехода в кеметизм не существует. Основанием для того, чтобы считать себя кеметистом, является факт совершения добрых дел на постоянной основе, и здесь очевидны отголоски протестантской этики. Как подчеркивает «верховная жрица» в посте, опубликованном в сообществе «Миут» 8 июня 2022 года:

Основной критерий – адекватность. Что это значит? Это готовность в большей степени учиться, чем учить. Больше делать, чем говорить. Это уважение к чужому времени и личному пространству, спокойное принятие других моделей поведения, общая уравновешенность.

Чтобы примкнуть к рядам кеметистов, для неопита обязательным условием является любовь к животным и забота о них. Желательно также наличие у них опыта активной зоозащитной деятельности. Кеметисты занимаются экологическим активизмом, поддерживают зоозащитные проекты, занимаются «популяризацией правильного ухода за питомцами». Из этого можно сделать вывод, что на конструирование нравственных установок российских кеметистов повлияла концепция «осознанного потребления».

Основной акцент осознанного потребления в мире сделан на гуманном отношении к животным в процессе производства того или иного товара. Развитие концепции «осознанного потребления» существенно ускорило понимание людьми того факта, что животные – тоже личности. Однако как и любая другая адекватная позиция, данная вполне могла гиперболизироваться в картине мира отдельных лиц.

П. П. Кочеганова совершенно справедливо, на наш взгляд, видит происхождение культа богини-кошки от викканского культа богини-матери [Кочеганова, 2017]. Викка – неоязыческая субкультура, в основе которой лежит учение об особой роли природных сил в жизни человека. Это учение содержит в себе элементы спиритизма, магии, волшебства и называется викканством, а его последователи – викканами. Как в викканстве, так и в кеметизме подавляющее большинство последователей

являются женщинами, а внутренний уклад носит матриархальный характер.

При этом очевидная матриархальность кеметизма считается не дискриминацией в сторону мужчин, а следствием реального положения дел:

мужчины, безусловно, могут [вовлекаться / входить – прим. А. С.] в качественный контакт с божествами (и богинями, в частности). Другой вопрос – хотят ли? (Пост веб-сообщества «Миут». 04.09. 2023).

Соответственно, кеметизм представляет собой уникальный пример неоязыческого учения, где иерархия полов определяется не «по природе», а «по статистике», исходя из действий, которые склонны совершать представители каждого пола в основной массе.

Полагаем, что идея на отправление культа именно богини Бастет обусловлена установкой в современной массовой культуре образа «женщины, которая может быть разной». Еще недавно фильмы, музыка, литература и мода раскрывали образ «сильной женщины», которая не пасует перед трудностями и не может себе позволить быть слабой. Однако необходимость следовать какому-то одному образу способна привести к протесту. Именно поэтому в наши дни число возможных репрезентаций женщины в массовой культуре растет, и подчеркивается, что женщина может себе позволить не держаться всегда в рамках одного образа, а действовать согласно своим ощущениям.

Эта вариативность женского образа ассоциируется у кеметистов с двойственным образом богини-кошки, которая, согласно египетской мифологии, могла выйти из терпения и обратиться из богини радости, красоты и материнства Бастет в другую свою ипостась – воинственную и мстительную богиню-львицу Сехмет, покровительницу врачей. Возможность сочетания «мягких» и «твердых» черт характера, желания заботиться и умения отомстить кеметистки обыгрывают в цифровом искусстве, написании проповеднических текстов по теме.

С целью иллюстрации данного тезиса, приведем примеры контента, опубликованного в веб-сообществе «Миут».

Так, в посте от 4 сентября 2023 года вариативность образа женщины называется «женской сущностью богинь» и раскрывается как «воплощение цикличности природы. Гнев и милость стихий, смена сезонов... Жизнь, смерть, и новая жизнь на руинах прежней».

Пост от 31 октября 2023 года содержит такие высказывания: «Сехмет вчера... Бастет сегодня <...> Когда мужчина пахнет миррой, жена перед ним – словно кошка. Когда мужчина в страдании – жена

перед ним подобна львице». Последнее высказывание наглядно иллюстрирует тот факт, что в современной культуре гендерные роли несколько видоизменились, и заступничество женщины за мужчину стало вариантом нормы. Можно судить на данном примере об обращении российского социума к традиционным семейным ценностям, присущим северным народам: в социальных практиках язычниц-северянок «было больше самостоятельности и меньше табуирования, нежели у соседок», пишет О. В. Чуракова [Чуракова, 2010].

По С. И. Чудинову, культ богини-кошки как таковой (а не только Бастет) связан с «антиавторитарным пафосом неоязыческого духа – целенаправленным позиционированием своей мировоззренческой системы в качестве свободной и отказывающейся от любых форм духовного принуждения и дисциплинарности» [Чудинов, 2016, с. 201].

Выше мы уже упоминали, что существующие научные работы, посвященные российскому кеметизму, носят религиозоведческий характер. К сожалению, и в этих исследованиях не упоминается принципиальное отличие кеметизма от других видов неоязычества: в то время как прочие неоязычники рассматривают материальные объекты, которым покровительствуют конкретные боги, лишь как символические воплощения этих богов, кеметисты поклоняются им как самим богам, которые якобы незримо присутствуют в этих объектах и общаются с людьми именно таким образом, а не словесно. Данная позиция активно отстаивается кеметистами в социальных сетях. В качестве примера можно привести пост кеметистки под ником ... в запрещенной социальной сети TikTok, где упоминается, что «Бог Ра <...> по факту – светило в небе, а с людьми коммуницирует не напрямую».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, первопричиной зарождения и резкого развития российского кеметизма в форме культа Бастет стали изменения в культуре России в период пандемии, которые повысили роль образа кошки в массовой культуре, в частности, в интернет-культуре, и сегодня он представляет собой феномен постмодерна, в рамках которого происходит переосмысление таких концепций, как «индивидуализм», «осознанное потребление», «женская сила». Очевидны викканские корни российского кеметизма, что стало причиной его матриархальной организации, при этом впервые в системе неоязычества неравенство между мужчинами и женщинами обосновывается не врожденными, а приобретенными качествами. Несмотря на то что кеметисты демонстрируют высокий уровень специализированных

египтологических компетенций, движение носит не реконструкторский, а реинтерпретационный характер, что также отмечается впервые. С учетом того, что вышеназванные постмодернистские концепции

будут только развиваться в России, можно полагать, что развиваться будет и российское кеметистское движение. А значит, исследования в данном направлении должны быть продолжены.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смержевская О. А. Ученые о неоязычестве: краткий обзор публикаций // *Colloquium heptaplomeres*. 2014. № 1. С. 44–51. EDN TJWIFV.
2. Ярцев А. Б. Неоязычество на постсоветском пространстве и в дальнем зарубежье: сходства и различия // *Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011»* / отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, М. В. Чистякова. М.: МАКС Пресс, 2011. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1336/19097_381e.pdf (дата обращения: 14.03.2025).
3. Киселева М. С. Кот / кошка как персонификация семейного духа-хранителя в современном русском фольклоре // *Гуманитарные исследования*. 2017. №3 (16). С. 107–110. EDN ZXNVQV.
4. Гордеева З. А. Образ кошки в современной культуре // *Гуманитарные исследования*. 2016. № 1 (10). С. 112–113. EDN VXKQTF.
5. Левит А. А. Актуализация модели «Наташа и коты» в демотиваторах, посвященных массовой самоизоляции и пандемии COVID-19 // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2022. № 10 (124). С. 1–12. EDN OGPJCN.
6. Рендл М. В. Персонифицированный индивидуализм: образ индивида в социокультурном пространстве постмодерна // *Гуманитарий Юга России*. 2016. Т. 20. № 4. С. 119–126. EDN WJBLKL.
7. Кочеганова П. П. Интервью с Л. В. Пругло // *Colloquium heptaplomeres*. 2018. № 5. С. 116–118. EDN YRGZBY.
8. Кочеганова П. П. Репрезентация культа Баст в современной России // *Colloquium heptaplomeres*. 2017. № 4. С. 90–95. EDN ZXUTPF.
9. Чуракова О. В. Символические репрезентации женского в традиционных культурах Европейского Севера. Проблема сохранения этногендерной идентичности северянок // *Международный журнал исследований культуры*. 2010. С. 106–111.
10. Чудинов С. И. Неоязыческий проект духовно-политического порядка: метафизика власти в условиях социальной турбулентности // *Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования*. Н. Новгород: Мининский университет, 2016. С. 201–214.

REFERENCES

1. Smorzhenskaya, O. A. (2014). Scientists on neo-paganism: a brief overview of publications. *Colloquium heptaplomeres*, 1, 44–51. EDN TJWIFV. (In Russ.)
2. Yarcev, A. B. (2011). Neopaganism in the post-Soviet space and far abroad: similarities and differences. In Andreev, A. I., Andriyanov, A. V., Antipov, E. A., Chistjakova, M. V. (Eds.), *Materialy XVIII Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma "Lomonosov 2011"*. Moscow: MAKS Press. https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1336/19097_381e.pdf (accessed: 14.03.2025). (In Russ.)
3. Kiseleva, M. S. (2017). The cat as the personification of the family guardian spirit in modern Russian folklore. *Gumanitarnye issledovaniya*, 3(16), 107–110. EDN ZXNVQV. (In Russ.)
4. Gordeeva, Z. A. (2016). The image of a cat in modern culture. *Gumanitarnye issledovaniya*, 1(10), 112–113. EDN VXKQTF. (In Russ.)
5. Levit, A. A. (2022). Updating the “Natasha and Cats” model in demotivators dedicated to mass self-isolation and the COVID-19 pandemic. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, 10(124), 1–12. EDN OGPJCN. (In Russ.)
6. Rendl, M. V. (2016). Personified individualism: the image of the individual in the sociocultural space of postmodernity. *Gumanitarij Yuga Rossii*, 20(4), 119–126. EDN WJBLKL. (In Russ.)
7. Kocheganova, P. P. (2018). Interview with L. V. Pruglo. *Colloquium heptaplomeres*, 5, 116–118. EDN YRGZBY. (In Russ.)

8. Kocheganova, P. P. (2017). Representation of the cult of Bast in modern Russia. *Colloquium heptaplomeres*, 4, 90–95. EDN ZXYPF. (In Russ.)
9. Churakova, O. V. (2010). Symbolic representations of the feminine in traditional cultures of the European North. The problem of preserving the ethno-gender identity of northern women. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury*, 1, 106–111. (In Russ.)
10. Chudinov, S. I. (2014). Neopagan project of spiritual-political order: metaphysics of power in conditions of social turbulence. *Yazychestvo v sovremennoj Rossii: opyt mezhdisciplinarnogo issledovaniya* (pp. 201–214). Nizhniy Novgorod: Mininskij universitet. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сысоева Анна Игоревна

аспирант кафедры мировой культуры
Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sysoeva Anna Igorevna

PhD Student at the Department of World Culture
Faculty of the Humanities
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	25.03.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	13.04.2025	approved after reviewing
принята к публикации	20.04.2025	accepted for publication